

ГЛАВА 57

В пятницу 16 числа я сидел в офисе и ждал отца, тот уехал по вызову одного из своих клиентов и обещал к обеду управиться и после отвезти наш товар. Валя и Борис занимались своими делами и неспешно общались со мной на разные темы.

- Борис, а что это за разряд такой в боксе – третий юношеский? Когда его дают? – поинтересовался я, устав сидеть, встал и принялся расхаживать по помещению.

- Третий юношеский? – оторвался от писанины тот, посмотрел на меня. – Да я не знаю. Это ж самый первый разряд. Когда дают? Да как в зал зашел, так, наверное, и дают.

- Понятно, - хмыкнул я.

В понедельник на работу вышли Сергей и Вера. Они встретили меня загорелыми, отдохнувшими и улыбающимися. Сергей радостно пожал руку, Вера азартно шлепнула своей ладонью о подставленную мою. Начались взаимные возбужденные расспросы, в которые втянулась даже Валя. Борис внимал эмоциям молча.

- А Мелёха с вами что ли летал!? – уточнил я, едва его имя упомянул Сергей.

- Да, мы же двумя семьями и полетели! – с удивленными глазами пояснила Вера. – Мы с нашими двумя гавриками и Мелёхин с Дашей и со своей дочкой!

- Ааа... ну я ж не знал... – улыбнулся я.

Сергей и Вера принялись наперебой делиться впечатлениями об отдыхе. Особенно старался Сергей, Вера поддакивала, вставляла фразы в его рассказ, сидя за компьютером и разгребая накопившиеся дела. Я в очередной раз восхитился ее дисциплинированностью. Пока Сергей, то расхаживая по этажу с кружкой чая в руке, то сидя в кресле, красочно и эмоционально рассказывал об отдыхе, жена его уже всю работу работала.

- Надо будет видео принести! – выдал Сергей. – Мы там много снимали! Только надо будет перегнать его с пленки на диск, а то у меня камера такая... еще кассетная... на такие маленькие кассеты снимает... а их же тут на компьютере никак не посмотришь, да!?

- Не, никак... если только камеру подключить к нему и с нее воспроизводить... – сказал я. – Но лучше, конечно, оцифровать, так удобнее. Запишешь на болванки, да и все... А потом можно будет его и смонтировать в отдельный фильм!

- Смонтировать? Ну, в смысле все, что я наснимал...? – замер Сергей.

- Да. Там же наверняка снято кусками. И это все смонтировать грамотно, и выйдет такой домашний фильм про вашу поездку! – загорелся идеей и я, прикидывая, что можно взяться за такое и поупражняться в своем хобби. – Если хочешь, я могу его смонтировать! Перегонишь на диски, принесешь, монтирую...

Сергей задумался, произнес:

- Ну а ты на чем монтируешь, где... дома... на компьютере?

- Да, дома... на ноутбуке! – кивнул я. – Че там монтировать то!

- А ты нубук что ли себе купил? – озадачился Сергей.

- Да... на новый год еще... – кивнул я, «нубук» резанул слух.

- Ммм... – издал задумчивый звук Сергей и тут же встрепенулся. – Да, надо будет так и сделать, точно – перегнать на диски и смонтировать фильм!

Рассказ об отдыхе продолжился через час и в «газели» отца. Мы катили на склад, а Сергей живо рассказывал о том, что в отеле было «все включено», и есть можно было «от пуза» и когда хочешь...

- Я даже специально сделал фотографии, смотри! – сказал он, вытащил из кармана телефон и принялся листать на его экране фотографии. Я смотрел – еда, еда, ломящиеся от еды столы... Более ничего.

Всю неделю я слушал рассказы об отдыхе. Как обычно бывает, после первой волны эйфории пошли бытовые подробности и жалобы на различные неудобства. Оказалось, что весь блеск отеля оканчивался границами его территории, далее начиналась безжизненная каменистая местность со скудной растительностью; днем было нестерпимо жарко; еда за редким исключением, невкусная и непривычная, что отразилось на пищеварении – Сергей вскользь признался, что первые три дня страдал расстройством и не слезал с унитаза в номере. Так постепенно я узнавал новые детали поездки. Я понимал Сергея – это была его первая поездка на отдых в другую страну. А поскольку я такого пункта в своей биографии не имел, то Сергей хвастался много и охотно и даже минусы того отдыха преподносил как достижения. К концу недели, в пятницу 23 мая он похвастался еще и покупкой боксерской груши под метр высотой и перчаток. Сказал, что на выходных как раз повесит ее на даче и начнет «восстанавливать ударчик». В скором забвении груши, как и ранее штанги, я уже не сомневался. И если раньше меня поверхностное поведение Сергея лишь возмущало, то с некоторого времени стало еще и утомлять. Я дал себе установку – не принимать близко идущее от напарника и не касающееся работы, а негатив в работе тупо перетерпеть, благо терпеть оставалось чуть более года. От такого настроения безразличие к судьбе фирмы стало лишь сильнее, и я вдруг обнаружил, что живется так гораздо проще и беззаботнее. Уловка эта хоть как-то отвлекала от осточертевшего «пыжовства» Сергея.

По возвращению его из отпуска, я сказал о новом договоре аренды склада. Реакция Сергея была своеобразна – глаза его округлились и посмотрели на меня с восхищением и даже неким благоговением, будто я совершил в его понимании невозможное или чудо. Радуюсь возникшей ниоткуда экономии, Сергей мелко засуетился. Я в подробностях и по порядку поведал всю историю. Глаза напарника пожирали меня с восторгом. Точно такой же взгляд был и у Веры. По своему мнению, я не совершил ничего сверхъестественного, но понимал причины, по каким Сергей воспринимал мои действия именно так.

- Серее надо было идти в чиновники... – сказал как-то в задумчивости отец.

- Почему? – машинально откликнулся я, смутно зная ответ.

- Почему? Он рожден для такой работы! – почесал отец снизу кончик носа. – Он очень четко чувствует субординацию, ранжирование... Этот сверху, ага, надо угодить... А этот снизу – можно и нагадить на него... А того, кто рядом – толкнуть, авось свалится...

- Ну да, - буркнул я кивая. – Есть в Сером такое...

- Да не просто есть! – воскликнул отец. – Он этим живет. Он, как пресмыкающееся. Ты же сам слышал... и видел, как он разговаривает с теми, кто выше.

Отец глянул на меня, я понимающе кивнул.

- Он же как называет эту... как ее... которая в «Форте»? – напряг память отец.

- Катюху? Екатерину Викторовну? – ухмыльнулся я.

- Да! Катюха! Так же он ее называет? – отец, снова получив мой кивок, продолжил. – Это он при тебе хорохорится! А к ней заходит на полусогнутых! Ты же сам рассказывал, общается он с ней заискивающе! А почему? Да потому, что она выше его по рангу! Это он так сам намерял... Он же чувствует... А с теми, кто ниже... тот же ваш Сеня или Петя...

Я закивал сильнее, отец бил не в бровь, а в глаз.

- Сеню он вообще за человека не считал, ну Петю – так, в открытую не брезговал им, потому что тот мог быть ему полезен. А Сеню он чмырил постоянно! Несильно так, но давал понять, кто в доме хозяин... Ты думаешь, он почему захотел остаться генеральным директором на второй срок?

Я уже осознавал ответ, но не мешал отцу. Его откровения хорошо чистили мозги, и к таким речам я прислушивался.

- Да потому, что он так себе намерял! Он – главный, ты – пониже чуть, Вера, жена – выполняет всю работу. А остальные – челядь! Он потому и меня не оставил в фирме, я же старше его, со мной пришлось бы считаться! А он бы этого не потерпел!

Правота слов отца ощущалась во многом. Смущало одно – он едва уловимо смещал акценты событий, по которым оказывался жертвой в их конфликте с Сергеем. Я внутренне не принимал такую трактовку, возражал и рассказывал свое видение ситуации.

- Па, ну а что значит «не потерпел»? Он же тебя не выгонял! И не мог выгнать. Да, ему, возможно, не нравилось твое наличие – вы с ним не очень ладили с самого начала – но выгнать тебя он никак не мог, у нас же была договоренность! Ты сам сказал – Я с вами больше работать не буду! – сел в «газель», хлопнул дверью и уехал!

И на этом месте отец всегда взрывался или молча обзвлялся, и наш диалог заходил в тягостный тупик, а то доходило и до открытой ссоры. И таких диалогов было несколько. И каждый раз с одним результатом. Но все равно они имели пользу, мой мозг словно брал только то, что видел ясно, а спорные моменты оставлял на потом. А в выводах своих про Сергея отец был прав – тот подстраивая свое поведение под конкретного человека, меряя значимость каждого статусным весом.

И потому я легко вычленил в восхищенном взгляде Сергея едва уловимые примеси зависти и даже тревоги. Восхищался он тем, что я прыгнул выше отмерянного им для нас обоих статуса и положения и смог на равных общаться с управленцем крупной компании и, более того, смог того убедить принять менее выгодный для компании договор. Зависть же явилась следствием – я смог, а он бы на такое не решился. Тревога – я не укладывался в отведенную Сергеем социальную нишу и не пытался в ней существовать.

В глазах Веры кроме искреннего восхищения и возросшего уважение другого я не увидел. Я лишь снова убедился в ее расположенности ко мне.

- Надо будет до конца месяца все-таки забрать у них договор, - сказал я. – Не стоит затягивать, осталась неделя, тогда во вторник или среду прокатимся туда, да, Серый!?

- Да, конечно! Забирать надо! Это ты хорошо придумал... Молодец, Роман!

- И надо нам поехать на склад и весь товар поставить в первой половине склада, а заднюю оставить пустой, чтобы все там соответствовало договору...

- Роман, да оно надо это делать? – скривился Сергей.

- Надо, Серый, обязательно! А то херня выйдет – сказали, что занимаем половину, а сами на весь склад расплозлись... Зачем подставляться? А вдруг снова кто-нибудь зайдет к нам с проверкой? Не, надо сделать сейчас все по уму, а месяца через два всё забудется, и можно будет тихо занимать весь склад...

В один из дней мы так и сделали, отгородив освободившуюся заднюю часть склада рядом ржавых стеллажей, соорудив из них подобие пограничного забора.

- Слушай, Серый... – обвел я взглядом товар во время передышки. – Нам надо будет некоторое время помещаться на половине склада, а со всем товаром мы не поместимся...

- Ну, значит, придется что-то выкинуть... не возить... – произнес тот спокойно. – Я б «Гарди» выкинул... и порошки... Гамно какое-то! Продаются плохо, а место занимают...

Я задумался – по сути, Сергей был прав. И если дешевыми порошками я готов был поступиться, то «Гарди» - нет. Я был уверен в потенциале этих аэрозолей, что мы можем на них заработать, но... не хотим сами. Пустив по молчаливому согласию все на самотек, мы толком не занимались продажами нового товара. Я было решил настоять на своем, но тут же сник, напомнив себе, что хочу уехать в Москву, а здесь пусть все будет, как будет.

- Да, это можно больше не завозить на склад, согласен, - кивнул я.

В конце месяца мы забрали свой экземпляр договора. В это же время пришли вести с Дальнего Востока – «ниссаны» прибыли в Находку и в течение недели их должны были железной дорогой отправить к нам. В моей квартире рабочие сделали многое: вывели под покраску потолки и стены, развели электрику, вставили хорошую входную дверь. 28 мая я оплатил за их работу сто сорок семь тысяч рублей, и мои сбережения кончились.

Тренировки мне нравились все больше, прозанимавшись «рукопашкой» почти год, я втянулся окончательно. Тренер сказал, что последним месяцем занятий перед летним отдыхом будет июнь. Наша немногочисленная группа слушала новость, держа статику в поперечном шпагате. Нагрузившись спустя полминуты, ноги начали мелко потрясываться.

- Держим-держим! – зычно подбадривал тренер, расхаживая с секундомером вдоль татами и трудясь челюстями над жвачкой. – Спину прямо! Руки перед собой! Держим!

Я чувствовал, как крупные капли пота сливались в мелкие струйки и неслись ими вниз от груди и спины к поясице. Кимоно постепенно становилось влажным.

Последние полчаса тренировки ушли на спарринги.

- Так, пацаны, вот, надевайте! – сказал Юрий Иванович, вынося из тренерской два шлема для рукопашного боя. – Щас определим вас по парам и по три минуты по раунду...

Группа стала нервно переглядываться – первый спарринг, как-никак. Я пошел во второй паре. Противник мой был схожей комплекции, чуть выше меня, но заметно легче.

- На месте не зависайте! – поучал тренер, наблюдая, как я расшнуровываю шлем и натягиваю его на голову. – А то ударят и стоят ждуг... Чего ждуг? Непонятно...

Едва я надел шлем, как обзор сразу сузился до размеров окна для глаз.

- Ударил, понял, что попал – сразу на него, еще пару ударов! – продолжал тренер.

В шлеме было душно, тесно и влажно от пота предыдущего парня.

- А как узнать, что попал? – произнес я, стараясь вопросом унять волнение.

- А как попадешь – сразу поймешь, - лукаво улыбнулся тренер, глянул на моего партнера, на секундомер в руке, вмиг посерьезнел и произнес. – Готовы!? На центр!

Мы вышли. По ту сторону решетки моего шлема стоял мой противник. «Так... как начать? – заскакала в голове мысль – Передней показываю ложный удар, подсаживаюсь и с задней бью боковой!» Едва мысль проскочила, я успокоился созревшим планом на бой.

- Начали! – раздался сзади голос тренера.

Сближение. Примерка дистанции. Ложный прямой с передней, подсад и с сильной задней удар в синий шлем. «Надо не вкладываться в удар, просто кинуть руку, а то мало ли...» - подумал я перед самым ударом, и рука-плеть влетела точно в висок противника. Тот покачался. «Попал! – завопил мозг и замер, стал обдумывать случившееся – Хорошо, что не вложился в удар... А то бы сейчас этот валялся... – А дальше что!? Что дальше...?»

План на бой кончился. Несколько секунд оба топтались на месте. Отойдя от удара, противник пошел на меня – пару обозначающих ударов с его стороны, пару с моей, и тот с сильным ударом кинулся на меня. Я тут же сократил дистанцию, мы сцепились и завязали борьбу стоя. Подсечка с моей стороны, вышло коряво – оба упали и покатались кубарем. Я потерял ориентацию в пространстве, за тесным окошком шлема мелькало все подряд. Кататься прекратили, и я оказался снизу. В голову сразу посыпались удары, я стал вязать руки противника, началась возня. Через десяток секунд нас вернули в стойку. К середине спарринга силы начали таять у обоих. Дышалось тяжело, шлем сжимал щеки, а через них и рот. Через нос было не надыхаться. За полминуты до конца оба стали похожи на вялые тряпичные куклы, стояли друг напротив друга, сопели и ждали, когда все это кончится.

- Время! – раздался спасительный голос.

Уставший, я сел на татами, чьи-то сильные пальцы принялись расшнуровывать мне сзади шлем. Едва стало свободнее, я потянул шлем вниз, он скользнул по мокрой коже как по мылу. Я задрал голову вверх и большими глотками стал ловить воздух.

- Че, все ходишь на тренировки? – спросил Сергей 5 июня в четверг, сопроводив вопрос внимательным изучающим прищуром, который я уже четко считывал, зная, что за беспечностью тона вопроса, скрывается не праздное любопытство.

- Да, хожу, - кивнул я, продолжая прохаживаться по складскому пандусу «Форта». «Газель» отца стояла тут же с распахнутыми дверями будки почти вплотную к высокому пандусу. Начало лета выдалось прохладным, я был одет в спортивные штаны, толстовку на голое тело и кожаные мокасины. Товар мы уже выгрузили на поддоны и ждали лишь кладовщика Толика. Тот появился в «Форте» недавно, но мы как-то сразу сдружились с ним и старались сдавать товар только ему. Толик оказался малым порядочным, что сильно упрощало и ускоряло работу. Со временем он понял, что мы так же ведем себя порядочно, и привезенный товар количественно всегда совпадает с накладной. Потому Толик считал наш товар поверхностно – только количество коробок, никогда не вскрывая их и не считая товар поштучно. А такое случалось у поставщиков часто – запечатанная снаружи коробка, при вскрытии оказывалась неполной. Естественно, если кладовщик упустил недостачу при приемке товара, то позже ее стоимость удерживалась из его зарплаты.

Похожие отношения у нас сложились почти во всех фирмах. Мы вели себя честно и порядочно – нам доверяли, я таким отношением дорожил.

- Хорошее дело! – добавил я, сделав пару разминочных движений телом. –

Постоянно занимаешься, мышцы в тонусе, все работает, растяжка... приятное ощущение!

Половину пандуса занимали поддоны с упаковками туалетной бумаги. Они стояли у стены склада. Поскольку товар легкий, штабели его высились, куда могла дотянуться вверх рука, метра на два с половиной. Толик ушел в склад, оставив нас с Сергеем скучать.

- А у тебя есть растяжка? – посмотрел на меня задумчиво напарник.

- Есть, но не полная, конечно... на шпагат не сяду, но хорошая... – я понимал основу интереса Сергея, подшутив, добавил с усмешкой. – До головы достану, если надо будет...

Тот пожевал губу и, решив меня поддеть или поймать на «слабо», вдруг, произнес:

- А куда достанешь по высоте!?

Будучи уверенным в себе, я не стал мяться и одним движением отвел ногу назад и тут же выкинул ее боковым ударом вверх. Подъем ноги хлестко и глубоко вмял ближний

штабель бумаги в задний, и тот глухим ударом ткнулся в стену склада. Удар пришелся на высоту двух метров.

- Мда... – буркнул Сергей спустя двухсекундную паузу и добавил, будто промежду прочим, заложив руки за спину. – Ну я раньше примерно на такую же высоту бил...

Мне стало так смешно от откровенного вранья, что я, опешив, даже не засмеялся, а лишь ухмыльнулся в спину поспешно отвернувшегося напарника. А хотелось сказать, как есть, в открытую: «Сереж, в тебе роста – метр семьдесят пять, растяжки у тебя никогда не было, как и когда ты мог так высоко задрать ногу? И зачем ты без конца врешь? Неужели ты не видишь, что этому вранью, не знаю, как другие, но я не верю? Что это тебе дает?»

Я отметил, что стал испытывать к натуре Сергея интерес, скорее, уже как доктор к пациенту с оригинальным случаем болезни – патологической склонностью ко лжи.

Все это время отец курил и расхаживал поодаль у капота «газели». Наконец, дверь склада скрипнула, явился кладовщик Толик, вернул нам накладную и попрощался.

- Ну че, я пойду пока за деньгами? – посмотрел на меня Сергей.

- Да, давай! – кивнул я. – Мы тут будем...

Сергей вытянул из кабины «газели» портфель и скрылся с ним вслед за Толиком за дверью склада, сквозь который можно было попасть в торговый зал, а там и в кассу.

В начале месяца мы повторили прошлогодний трюк – заказали фуру дихлофосов. Уже через неделю в складе снова высился куб. Будучи окрыленным успехом прошлого лета, Сергей согласился на заказ полной фуры легко и сразу.

- Конечно, пора заказывать! – уверенно заявил он. – Как в прошлый раз закажем, положим на склад, полничком загрузим на все лето, да будем продавать!

Меня позабавила эта трансформация, от прошлогоднего нерешительного Сергея с трясущимися руками не осталось и следа. Теперь я лицезрел другого Сергея – абсолютно уверенного в верности такого решения и ведущего себя так, будто он и был инициатором.

Дихлофосы продавались хорошо, в свою обычную силу, но прежнего ажиотажа уже не было. Рынок города аналогичным товаром наполнили все конкуренты, стало тесно. Мы даже немного понизили отпускные цены. Было ясно, что наша «халява» кончается. «Если продадим до конца «сезона» хотя бы эту одну фуру, будет круто», - решил я про себя.

Брат Веры продолжал чудить. С ее слов, он сошелся с какой-то «девушкой» чуть за тридцать. Явно радуясь за брата, Вера сказала, что хоть «девушка» некрасивая толстая и глупая, но... хоть такая, может, Ваня возьмется за ум, заведет семью и перестанет пить. Я тоже попытался порадоваться за Ваню, мне было жаль Веру. Я вдруг понял, что живет она в какой-то патовой ситуации – с одной стороны семья, двое детей, учеба за себя и за мужа; с другой – мать-одиночка, ютящаяся с сыном-алкашом в старой крохотной квартирке или на даче и влачащая на мизерную пенсию полунищенское существование. Вера проживала свою жизнь стойко и не переставала удивлять меня, всегда сохраняя оптимизм и хорошее настроение. Но радость за брата у нее случилась недолгой. Через две недели знакомства с девахой Ваня взял в кредит подержанный автомобиль и через день засадил его с разгона в столб, выезжая пьяным из гаража. Я, питавший в силу своей нескончаемой веры в людей положительные эмоции и к Ване, совершенно в нем разочаровался, поняв, что тот кретин. Вера рассказывала все это мне с искренним переживанием за брата, без грамма злости на того или злорадства. Сергей же, наоборот, погоготал над случаем и вновь обозвал Ванька

дураком. Вера лишь виновато улыбалась и краснела. Симпатизируя ей по-человечески, я смотрел на Сергея и удивлялся, что Вера могла в нем найти? Всего лишь три года назад я считал их чуть ли не идеальной парой, теперь же, узнав их семейную жизнь ближе, видел за красивым фасадом много неприглядных вещей.

- И что ж теперь он будет делать? – удивленно посмотрел я на Веру. – Машина разбита, ее чинить надо и кредит все равно же платить?

- Ну да, платить конечно! – округлила глаза Вера.

- И эта баба от него ушла! – вставил Сергей.

- Ушла!? – посмотрел я на Веру, та развела руками, я посмотрел на Сергея.

- Да я ж говорю – дурак! – подытожил тот.

- Видео записал! – первое, что сказал Сергей в понедельник 16 июня, едва поднялся в офис. Вера вошла следом. Лето разошлось вовсю – на улице стояла жара под тридцать, мы все разом переоделись в шорты, футболки и шлепанцы. Сергей бухнул свой портфель на стол, вынул из него пару дисков, сунул их жене: «На, Вер, поставь! Ромке покажем!»

- Перегнал с пленки на болванки? – произнес я.

- Да, нашел по объявлению студию, отвез туда кассеты, там при мне перегнали, я монтировал там! – возбужденно зажестикнул руками Сергей.

- Даже монтировал сам!? – удивился я, понимая, что слышу очередную ложь.

- Дааа... монтировал! – безапелляционно выдал Сергей. – Ты ж там монтируешь у себя, я тоже взял, смонтировал...

Мне вдруг захотелось тут же при всех несколькими простыми вопросами уличить Сергея во лжи. Передо мною стоял тот, кто едва смог понять работу почтового клиента и то, освоив лишь нажатие одной кнопки – «принять почту». И он снова врал.

- Паренек там сидел, я ему говорил, что вырезать, что оставить! – продолжал важно помахивать руками Сергей, отозвав фразой желание изобличать его. Для себя я все понял.

Вера сунула диск в привод, и на мониторе появился Сергей – он плыл в бандане и солнцезащитных очках в бассейне отеля. Рядом раздавались голоса обоих детей.

- Снимаешь? – отфыркнулся Сергей, пуская руки перед собой брассом и нарочито держась прямо, плывя картинно и явно по-позерски.

- Да, снимаю! – резанул ухо фальцет Веры вплотную у микрофона камеры.

- Мам, мам, а когда мы будем купаться!? – запицала поблизости за камерой Лиля, и тут же с другой стороны неразборчиво по-птичьему защебетал Лёнька.

- Сейчас, Лиль! Сейчас будете купаться! – отрезала Вера и, будто себе, уже тихо добавила. – Папу сейчас снимем на камеру... Папа у нас же любит, когда его снимают... Куда ж без этого... Всем смотреть, как папа плавает...

- Вер, ну чуть вперед промотай! Че там!? – нетерпеливо дернул рукой Сергей.

Видео перепрыгнуло на крупный план длинного и извилистого «шведского стола». Камера начала двигаться. Еда, еда, столы, уставленные плотно блюдами с едой.

- Прикинь! И там же все включено! – уставился на меня Сергей, словно ища в моих глазах толику удивления или восхищения. – И можно есть сколько хочешь и что хочешь! Все бесплатно! Я там просто объедался!

Мне было неинтересно, я пялился в монитор из вежливости.

- Вер, ну промотай еще! – скомандовал Сергей.

Та несколько раз кликнула мышью – окрестности отеля, прогулка на яхте...

- На, Вер, этот поставь! – торопливо сунул жене второй диск Сергей, сказал мне. – Там есть видео, где мы футбол с Мелёхой смотрим! А ты не смотрел что ли футбол!? Наши же играли!

Я отрицательно мотнул головой.

- А мы там болели вовсю! Орала на весь холл! Прикинь! – Сергей эмоционально зажестикублировал, вскинул руки, тут же вновь проконтролировал жену. – Вер, ну че там, нашла!? Ну помотай, найди место, где мы с Мелёхой футбол смотрим! Аха! Да! Поищи! Да! Вот! Останови! Аха! Вот, Ромыч, смотри!

Холл отеля в песочных тонах, на стене плазменный телевизор, перед ним ряды пластиковых стульев, самовольно снесенных из разных концов отеля. На стульях, то сидя, то вскакивая, эмоционально жестикулируя и выкрикивая, наблюдают за происходящим на экране человек пятнадцать. Все наши туристы. В первом ряду посередине метрах в пяти от телевизора сидят Сергей и Мелёха. На экране идет футбол. Камера снимает болельщиков со стороны телевизора, но чуть с угла, метров с трех. В объектив камеры бьет контровый свет холла, и видео от этого выглядит темноватым.

- И прикинь! – округлил глаза Сергей, тыча в направлении монитора пальцем. – Верок начала снимать и почти сразу наши гол забили, и я как вскочил, как начал орать! И все вскочили и заорали! Да так громко, что все турки, кто там в отеле работали просто ахерели! Во, во! Щас!

На видео вся толпа заорала разом «гооол!!!», и камера задергалась в руках Веры. Мужики повскакивали со стульев, чуть не раскидав их ногами по холлу, запрыгали все разом, задрав руки вверх. Громче всех заорал, и вскочивший резче всех, Сергей, рядом вытянулся в крике долговязый Мелёха. Сергей в приступе экстаза подбежал, чуть ли не в упор к телевизору и стал прыгать и извиваться, норовя при этом находиться в объективе камеры. Он бросал в камеру короткие взгляды, замечая, что находится в кадре, начинал извиваться сильнее и вопить громче. Снимаешь!? – сквозь общий ор прорвался его голос. Да, снимаю! – ответил за кадром недовольный фальцет. Я начал всматриваться в запись внимательнее. Сомнений не оставалось – Сергей играл. Он изображал радость и эйфорию чрезмерно, что называется, переигрывал. Зачем? Для кого? Я продолжал смотреть.

- Вот! Вот! Видал! – выкрикнул Сергей рядом. – Гол забили, как мы давай орать! Я так орал, ты бы видел!

- Да я ж вижу... – улыбнулся я.

Толпа почти успокоилась, большинство мужчин расселись по стульям. Сергей все скакал и корчился. Выглядело глупо. То, что он играл на камеру, не понял бы лишь совсем ненаблюдательный человек. «На публику», вспомнилось мне выражение Сергея.

Видео закончилось, тут же началось другое – бассейн, водные аттракционы.

Сергей остался доволен произведенным эффектом. Я посмотрел на Веру, та молча упаковала диски, отложила их в сторону и с нейтральным лицом принялась за работу. Я часто ловил себя на мысли, что не могу считать ее реакцию. Иногда казалось, что Вера не видит очевидного. Но я же все это видел! Мне понадобилось два-три года, чтобы уяснить – Сергей совсем не тот человек, образ которого он старательно продает другим. Сам того не замечая, я кропотливо отмечал все его огрехи и записывал их куда-то себе на подкорку. Порой мне казалось, что делаю это не я, а мой мозг автономно ведет скрытый анализ. На Вере анализ зависал. Я не мог ее понять до конца. С одной стороны, Вера была явно умнее мужа. Значит, она не могла не замечать все особенности его поведения. С другой – Вера

прочно позиционировала себя именно позади Сергея, что называется, за мужем, вела себя смиренно, редко выказывая недовольство. И несоответствие одного другому ставило меня в тупик. Я понимал жизнь просто – из двоих в паре впереди должен быть умный. И никак не наоборот. Я вглядывался в глаза Веры, в ее реакции и только по самым малозаметным признакам догадывался – она отлично понимает, что представляет из себя ее муж, и имеет достаточно нелестное о нем мнение, которое держит при себе. И лишь изредка контроль ее над собой ослабевал, и я успевал считывать с мимики Веры правдивые реакции. Логика выстроилась вполне сносная, и особенно помнился мне случай – тот самый единственный срыв Веры в начале нашей совместной деятельности, когда она на миг потеряла контроль над собой и выплеснула на меня все дикое напряжение, сидевшее в ней.

У Сергея появилась «новая» старая привычка – он стал брать с собой на развоз газеты. И разговоры в «газели» потекли совсем другие. Сергей как преобразился. Едва мы садились в машину и катили на склад, он заводил одну из текущих общественных тем и вдохновенно рассказывал мне с отцом массу фактов по ней. Я слушал с удовольствием, выискивал в памяти какие-то знания по теме и ими поддерживал разговор. Сергей сыпал фактами и цифрами как из рога изобилия. Отец участвовал в обсуждении почти всех тем, а самых ему интересных с особенным жаром. Тогда в кабине начиналась тяжба – машина ловко маневрировала в дорожных потоках города, отец и Сергей вели дискуссию, засыпая друг друга информацией. Сергей удивлял, откуда такие объемы знаний, которые ранее он никак не обнаруживал? Ответ оказался прост, как-то на одной из длительных стоянок, я взял скуки ради очередную газету Сергея и принялся ее читать. В статьях было написано ровным счетом то, что озвучивал Сергей. Он почти не менял фразы и не выходил за их пределы, а лишь озвучивал их от своего имени, выдавая за собственные мысли. Я снова не удивился своему открытию, уяснив прочно, что ответы на действия и поступки напарника лежат на поверхности, и нырять в их поисках глубже нет нужды.

При всех обнаруживаемых новых минусах натуры Сергея, плюсы его оставались неизменными, и один из самых сильных – отличное чувство юмора. Засмеяться, находясь рядом с ним, не представляло труда. Где бы мы не находились – мы отлично чувствовали юмор друг друга. Можно было сказать – мы обладали схожим чувством юмора. И словно не замечая ухудшения реалий, я и Сергей смеялись все так же часто и от души. Травили какие-то шутки, вспоминали случаи из жизни, отпускали едкие и шутливые комментарии. В такие моменты находиться рядом с ним было одно удовольствие. Свои спичи Сергей сопровождал неподражаемой мимикой, помноженной на природную пластичность. Ему надо было стать артистом, Сергей добился бы успеха на этом поприще. Любой слушатель или зритель уже в первые секунды представления попадал под его сильнейшее обаяние и приковывался вниманием к личности Сергея. Я не был исключением. И в моменты, когда мы беззаботно и до слез смеялись над очередной его или моей шуткой, я ощущал себя в том времени, когда общий бизнес едва начался, и бочка меда наших отношений еще была чиста от дегтя. В такие моменты мы оба были прежние. Мы веселились даже в «газели». Отец вел машину, а мы заливались хохотом над очередной шуткой. В таком настроении и физическая работа, что свалилась на нас с уходом работников, делалась легче и приятнее.

- Ну хватит!!! Все!!! – рявкнул вдруг отец на всю кабину, сквозь шум Окружной дороги. – Разорались тут!!! Че вы ржете, как ненормальные!!!???

Мы с Сергеем затихли, переглянулись. Я глянул на отца, желваки того ходили под кожей ходуном, лицо зло заострилось. Отец нервно глубоко затянулся сигаретой и резко отшвырнул бычок в окно, выдохнул туда же. Я глянул украдкой на Сергея, встретил такой же недоуменный взгляд, пожал плечами. Остаток пути в «Форт», а потом и в «Меркурий» мы проехали почти в полной тиши, изредка перебрасываясь с Сергеем репликами строго по работе.

- Роман, подожди! – выкрикнул он, едва мы прибыли в «Меркурий». – Я с тобой...

Сену мы застали у себя в прекраснейшем расположении духа, и его лицо поползло морщинами в широкой улыбке, едва тот увидел нас. Сеня облизнул губы, взял из моих рук накладную, изучил ее, подписал, вернул и начал травить какую-то байку. Мы, стоя почти в двери его тесного кабинета, слушали и тихо посмеивались. История вышла смешная, но я запомнил лишь концовку, до того мне понравилась последняя фраза.

- ... и эти долбоебы приходят ко мне и говорят – Арсений Михайлович, пожалуйста, ну давайте с вами обратно работать! – улыбнулся Сеня и плотоядно облизнул губы. – А я им говорю – все, ребята, ваше время ушло, теперь этот товар мне будут возить другие люди, а вы идите и ловите ветер синими трусами!

Рядом прыснул Сергей, я засмеялся следом.

Через пару минут, выйдя от Сени, мы почти наперегонки побежали по лестнице.

- Ловите ветер синими трусами... хи-хи... – прыснул вновь Сергей на площадке меж лестничными пролетами, я засмеялся и, пихаясь в поворотах торгового зала, мы выбежали на улицу и пошли к складам, продолжая на ходу давиться смехом.